

Евгений Татарников

Игарка

Россказни бывалого мента о своей командировке в порт Игарка

Игарка — порт всех морей, город счастливых и трагичных судеб.

Предисловие

Конец восьмидесятых годов, когда Советский Союз ещё был жив, но болел, видимо, давно, с тех пор, когда развитой социализм Брежнева не смог плавно перейти в обещанный Хрущёвым коммунизм, про который молодой Горбачёв сознательно забыл и взял курс на звериный капитализм. Светлые идеи Томмазо Кампанеллы описаны им в «Городе Солнца», где основой социального уклада в Городе является общинность всей жизни. Её осуществление контролируется администрацией. Практически всё у жителей общее, кроме жён, детей и жилища. Даже едят все жители Города вместе. При этом производство основано на всеобщей трудовой повинности, рабовладение отсутствует. Каждый гражданин обязан работать четыре часа в день. Причём имеется в виду только физический труд, так как далее указано, что всё остальное время жители проводят за чтением и занимаясь наукой. Под контролем государства находятся отношения между мужчинами и женщинами. Производство потомства называется государственным интересом. При этом рождение детей сравнивается с выведением скота...

«Всё, Женя, остановись уже. Это же всё утопия, как и коммунизм Хрущёва. Не будет никогда никакого Города Солнца. Давай иди в кабинет начальника управления, у него к тебе есть какое-то дело», — сказал мой разум, и я пошёл к своему начальнику Сергею Клавдиевичу.

Лето 1989 года. Ижевск

— Женя, придётесь вам с Володей поехать в командировку... Фу ты, блин, забыл куда. Ну, этот город... он где-то на Енисее, около Норильска,

— Сергей Клавдиевич, может, это Город Солнца? — спросил я.

— Женя, мне кажется это Город вечной мерзлоты, там ещё есть большой порт. Имя у него такое простое... русское. Не знаете, что за порт? — спросил начальник управления почему-то нас.

Мы пожали плечами, а он продолжил:

— Ладно, идите к следователю Вараксиной, возьмите у неё отдельное поручение по уголовному делу, она сама вам всё объяснит, и езжайте с Богом. Ну а куда — сами разберётесь.

— Алевтина, куда это ты нас хочешь отправить, что даже Клавдиевич не знает? — спросили мы следачку Вараксину.

Алевтина была недурна собой — и лицом, и фигурой — и не была замечена в дурных поступках. Как ни странно, в следственном отделе было две Алевтины, примерно одного возраста, обе высокие, и фигуры ладные, — худосочные такие и стержневые по характеру, и обе с остервенением относились к работе. Но вот Вараксина Алевтина была семейной, как говорят, до мозга костей, а другая — старой девой, непонятно отчего. Мужики-то ей нравились. Одну дома ждали и любили муж и дети, а другая домой не торопилась, высиживая на работе до последнего, и любовь у неё была «приходяще-уходящая». Но с обеими было приятно работать, ибо, как говорится, профессионализм в ментовке не пропьёшь. А если пропьёшь — сразу уволят к едрене фене. Алевтина Вараксина — как всегда, вся в бумаге, не переставая стучит, как дятел, на своей пишущей машинке, у которой иногда западают буквы, а у Альки тут же вылетают матерные слова, которые я вам пересказывать не стану. — Алевтина, оторвись хоть на минуту.

— Мужики, некогда мне, у меня в производстве сейчас находится шесть уголовных дел, сроки поджимают, аж челюсти сводит. Сегодня ещё два опознания, встреча с адвокатом, прокурором, выезд в следственный изолятор. Тьфу, пообедать некогда. Мужики, идите на фиг... Хотя нет, сходите в столовку, купите мне хоть пирожков каких-нибудь. Бля, всё, сейчас умру прямо здесь от голода или этой нервотрёпки, — так она закончила свой монолог, как в театре.

Даже захотелось заплодировать и крикнуть: «Браво!» Мне кажется, из неё бы вторая Фаина Раневская вышла... Но, кстати, Алевтина взяла от Фаины самую лучшую её черту, а именно: «Лучше быть хорошим человеком, ругающимся матом, чем тихой, воспитанной тварью».

Мы переглянулись с Володькой и пошли в столовую, как раз обеденный перерыв настал.

— Алевтина, на, поешь пирожков с мясом, стакан кофе ещё тебе принесли. Пей, пока горячий.

— Спасибо, мужики, поставьте всё на стол и возьмите своё отдельное поручение в Игарку,— сказала она, стуча по пишущей машинке.— Идите, идите, мужики, не до вас сейчас... Мне бы сегодня обвинительное заключение по уголовному делу закончить... Добить его, проклятое.

На столе у неё зазвонил телефон.

— Да, слушаю, Вараксина... Нет, сроки ещё не вышли, завтра проведу очную ставку... Пишу обвинилровку... До свидания.

Смотрит на нас и говорит устало:

— Всё, зашиваюсь, сроки душат. Мужики, когда я умру на работе, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения к уголовным делам»... Вечером, наверное, напьюсь. У вас водка есть?.. Мужики, я бы сама туда поехала, это «удивительный деревянный город с деревянными тротуарами и мостовыми— город, в котором самая почва состоит из слежавшихся опилок»... Вы чё на меня, как на сумасшедшую, оставились? Так в романе «Два капитана» написано. Неужели не читали, неучи?.. Северное сияние посмотрите...

Идём по коридору, Вовка спрашивает меня:

— Жень, где эта Игарка?

— Где, где... Клавдиевич ведь сказал: на Енисее, около Норильска. Сейчас карту СССР посмотрим и всё найдём,— ответил я.

Игарка— не иголка, её не потерять,

На атласе недолго Игарку отыскать!

Зимой Игарка— заводь, весной Игарка— порт,

Пусти Игарку плавать— возьмёт и уплывёт...

Стоя у карты во всю стену, отыскивали Игарку.

— Почти край Земли, недалеко Северный полюс...

И как туда добираться?— спросил Вовка и добавил:— Наверное, на оленях... а может, на собаках.

— Как, как? Чё, в первый раз, что ли, в командировку едешь? Доедем на поезде до Красноярска, а там два варианта: или водой по Енисею, или воздухом по стратосфере,— ответил я.

От Красноярска летели часа три самолётом. Так далеко от дома меня ещё не заносила судьба.

Ворота Сибири за границу

...Говорят, что это селение основал тунгус, у русских его звали Егором, а в тунгусском произношении «Егор» звучит как «Игар». И эта версия не имеет под собой научного обоснования, просто красивая легенда, и не более.

Что за страна— Игарка?..

И что за город такой,

где стих не рифмуется

словом «жарко»,

где музыка—

ветра вой?

<...>

Что за страна—

Игарка?

Кто в ней песни поёт?

Мороз под сорок, а в зале жарко:

о поэзии спор идёт.

Просим поэтов

Москвы и Волиги

край заполярный

в песнях воспеть.

Молчит Мокроусов,

молчит Игорь Волгин...

А в Игарке поэзия

всё-таки есть!

Её направлял ещё

пламенный Горький,

её одобрял друг наш лучший

Роллан.

И с этих времён

от зимовья Егорки

игарские песни

плывут в океан.

(Л. Гришанов.

Это стихотворение

было опубликовано в игарской

газете «Коммунист Заполярья»

1 мая 1964 года)

В мемуарах, опубликованных в игарской газете «Коммунист Заполярья» в 1966 году, инженер М. Н. Мелешко писал, что их встретил в 1929 году десятник Батенин:

«Это был старый, опытный строитель, москвич, прибывший в Игарку по заданию „Северстроя“ ещё зимним путём на собаках. Батенин с помощью жителей из Игарского станка соорудил на возвышенном берегу протоки (в начале будущей биржи пиломатериалов) хижину-временку наподобие лесной избушки, в которой и поселился вместе с двумя жителями из станка. Это было первое строение Игарки. Больше Батенин ничего сделать не смог и так жил полудикарём в ожидании прибытия первых строителей».

А буквально всего через несколько лет читаем мнение об Игарке журналистки из США Рут Грубер:

«Новый индустриальный Север— это больше не мечта Кремля. Игарка сегодня похожа на Чикаго на первых ступенях его развития. Стоит только посмотреть на Игарку, чтобы представить себе, что сделала техника, превратившая дикий Север в новую индустриальную страну. Здесь открывается новая эпоха».

Летом в порту развеваются флаги

Индии, Африки, северных стран,

Зной из Египта, сказанья Эллады

К нам присылает седой океан.

И, уплывая в далёкие страны,
Помнят матросы игарские дни,
В рейсе полярном, сквозь льды и туманы
Долго им светят Игарки огни...
(В. Горбунов. «Песня об Игарке»)

За игарским лесом в короткий период летней навигации из Англии, Бельгии, Дании, Финляндии и Норвегии ежегодно приходят десятки судов. Когда Карское море сбрасывает ледяные оковы, на лесозаводах наступают горячие дни. Океанские корабли шли от Игарки в сотни портов мира. Пятидесятью-шестьдесятью годами — это расцвет Игарки. В шестидесятых годах в Игарку перестали заходить иностранные корабли. Но это не означает, что Игарка перестала работать на экспорт. Напротив! С 1968 года объём отгрузки экспортной продукции в Игарском порту за короткий период навигации (сто десять — сто тридцать суток) превышал один миллион двести тысяч кубометров (вспомним десять тысяч кубов в 1928 году). Сибирский лес вывозился в десятки стран мира на советских судах.

Мы прилетели в заполярную Игарку. Деревянный аэропорт, построенный в 1946 году, производил, конечно, впечатление... Вечная мерзлота, которая местами доходит до шестидесяти метров, и как раз Игарка праздновала свой шестидесятилетний юбилей, у магазина «Рассвет» стояла стела, напоминающая городу его пенсионный возраст. Поселились мы в деревянной гостинице, больше похожей на барак эков. И то хорошо, другого-то жилья для гостей в городе нет, кирпичную гостиницу ещё не достроили. Город — наверное, громко сказано, лучше сказать тихо — городок, городишко. Сходить больно-то некуда. Вот мы сходили в местную милицию, доложились, что прилетели, и попросили их, чтобы они нас оповестили, когда придёт по реке лесовоз из Клайпеды, на который нам надо подняться. Хорошие такие игарские менты, они ещё нас для приличия спросили, где мы остановились, как будто в Игарке был выбор, кроме этого барака-гостиницы, что стояла на берегу Енисея, ещё, наверное, со времён первопроходца — Егорки. А может, свой «обезьянник» хотели предложить. Нет уж, спасибо. Я хотел спросить их, как тут насчёт рыбы, но, увидев их кислые лица, как будто они объелись морошки, передумал. Всё равно вся рыба, какая есть в Енисее, она есть и в столовой «Снежинка», которую мы уже заметили.

Столовая «Снежинка»

Когда мы пришли в «Снежинку», уже вечерело, хотя в Заполярье летом это слово вряд ли уместно. Я думал, что сейчас поедем здесь какой-нибудь экзотической рыбы типа тайменя, хариуса, муксуна, нельмы, которую я видел только в телепередаче

«В мире животных» и, видимо, больше нигде и не увидишь, так как в столовой подавали, как тут говорят, сорную рыбу — шуку. Её я и в Ижевске могу поесть. У нас её в пруду — как лягушек в болоте... Мы сидели за столом, и Вовка болтал, нет, не языком всякую чушь, а чайной ложкой в стакане, создавая в нём «чайную воронку», глядя, в которую, он, как Сократ, громко произнёс театральную фразу:

— Скучно как здесь!!! Ни цыган, ни медведей рюмку водки никто не подаст тебе...

Я молчал, мне здесь всё нравилось, я как будто попал в другой мир. Мир, которого раньше не знал. Молодые поварахи — кровь с молоком, выращенные в дикой природе, на северных деликатесах, — пристально наблюдали за нами. И, видимо, подумали, что скучно нам, молодым оболтусам, без девчонок. Только старая повараха что-то колдовала у плиты, не обращала на нас никакого внимания, будто мы — звёздная пыль...

— Мальчики, что вам скучно-то? У нас девчонки хорошие есть в Игарке. Познакомить? — предложила одна из молодых поварих, видимо, самая бойкая.

— Да нет. Скучно в том смысле, что некуда у вас вечером сходить, — начал оправдываться Вовка. — Вы кинотеатр «Север» видели? — опять спросила она.

— Нет, — хором ответили мы, думая, что сейчас нас пригласят на вечерний киносеанс.

— Ну, увидите ещё... — сказала она же пугающим тоном. — Так вот, в тысяча девятьсот тридцать шестом году на его месте был первый в Заполярье народный Арктический театр, создателем и первым художественным руководителем которого была известная актриса из Москвы Вера Пашенная.

Мне эта фамилия ни о чём не говорила, но я промолчал и слушал.

— Она осталась в Игарке после гастролей. Как нам рассказывали в школе, это был уютный театр на восемьсот мест, с вертящейся сценой, имелись партер, бельэтаж, ложи бенуара. Ну всё как в Большом театре в Москве, в котором я никогда не была...

— Света, только театр назывался не Арктический, а Заполярный номер один, а Заполярный номер два был в Норильске. Наш театр просуществовал до тысяча девятьсот пятидесятого года. Потом его сменил лагерный театр, он, мне помнится, назывался театр мюзкомедии, в нём было сто девять артистов из них — сто два эка, — поправила её старая повараха, помешивая большой поварёшкой что-то в большом чане.

— Простите, а что стало с лагерным театром? — спросил Вовка, которому вдруг стало интересно. — В этом театре играли слишком эмоциональные люди, и однажды в нём произошла трагедия. О ней я прочитала в воспоминаниях писателя Роберта

Штильмарка, который написал роман «Наследник из Калькутты»... Не читали? Он был осуждён «тройкой» по статье пятьдесят восьмой на десять лет. За то, что назвал какие-то из новых зданий Москвы «спичечными коробками», как тогда говорили, за болтовню попался. И был направлен на строительство печально знаменитой железной дороги Салехард—Игарка—Норильск, которая получила название «Мёртвой дороги». Её строили с сорок седьмого по пятьдесят третий год. И вот писатель в своих мемуарах рассказывает, что шёл спектакль «Раскинулось море широко»... Кстати, моя мать, которая в то время работала в буфете этого театра, тоже знала эту историю... Так вот, на этом спектакле были очень красивые декорации, которые изготовил известный московский художник-зэк. Его декорации так понравились зрителям, что те начали кричать, чтобы он вышел на сцену и его как-то поприветствовать. А мужик из политотдела запретил художнику выходить на сцену. Ну, у того не выдержали нервы, и он повесился в артистической уборной. А ему оставалось до освобождения три месяца. Жалко и художника, и жалко театр, так как его после этого случая закрыли. А через неделю театр в Игарке сгорел дотла. Пожар начался с чердака. Причину точно не установили, но подозревали, что здание подожгли детдомовцы, очень любившие детские утренники и горевавшие, что театр закрыт. Артистов же отправили на общие работы. Вот такая грустная история, ребята, с нашим театром вышла... Ну что, котлеты из щуки будете?... Зря отказываетесь.

Поняв, что ни в какой театр мы уже никогда не попадём, мы поблагодарили пожилую повариху за интересный рассказ. Кроме музея вечной мерзлоты, смотреть здесь, оказывается, нечего. Правда, молодая повариха Вера сообщила, что в городе в детском доме когда-то жил известный писатель Виктор Астафьев.

— Девчонки, а как известный писатель в детдоме оказался? — спросил я.

— Как нам ещё в школе рассказывали, родился Виктор Астафьев в Красноярском крае. Когда ему исполнилось семь лет, его отца посадили в тюрьму «за вредительство». Чтобы попасть к нему на свидание, матери приходилось переправляться на лодке через Енисей. Однажды лодка перевернулась, и она утонула. Писателя воспитывали бабушка и дедушка. Когда отец освободился, он женился во второй раз. Виктора забрал к себе. Вскоре их семью раскулачили, и отца с его новой женой, новорождённым сыном Колей и Витей выслали в Игарку. Вместе с отцом Виктор занимался промыслом рыбы. Но по окончании сезона отец серьёзно заболел и попал в больницу. Мачехе Витя был не нужен, кормить чужого ребёнка она не собиралась. В итоге в тысяча девятьсот тридцать седьмом году Виктор оказался на улице, беспризорничал. Вскоре

его поместили в детский дом. Там он встретил учителя Игнатия Рождественского, который писал стихи, он открыл литературный талант в мальчике. Рождественский стал известным поэтом, много писал про сибирский край. Я даже до сих пор помню его одно стихотворение, правда, не всё. Счас я вам его прочту:

Где ещё найдёшь края такие,
Хоть пройди полсвета, полземли?
Здесь у нас потоки буревые,
Соболя, пшеницы наливные,
Лиственницы, скалы, хрустали.
Здесь у нас морошка и черника,
Сливы, не боящиеся зим,
Люди здесь от мала до велика
Хлебосольством славятся своим...

Я спросил:

— А какие произведения он написал?

Повара ответили почти хором:

— Повесть «Васюткино озеро».

Я читал его роман «Царь-рыба», но ничего об этом им не сказал. Доев свой ужин, мы засобирались в гостиницу.

— Девчонки, не скучайте, мы придём к вам завтра на обед, так что чао, — сказал Вовка, направляясь к выходу.

В местной гостинице

После обеда к нам в комнату в гостинице, где мы с Вовкой жили вдвоём в четырёхместном номере, поселили деда, довольно ещё крепкого мужика. Он приехал, а вернее, приплыл на теплоходе по Енисею из Хатанги (это где-то в районе Дудинки, Норильска). Дед приплыл за мотоциклом. Мы спросили его: — За «Уралом»?

— Нет, за «ижонком», за «Иж-Планетой-5», — ответил он и искоса посмотрел на нас, как будто мы были какие-то прохиндеи.

Он, наверное, боялся за свои денежки, сумма-то немалая. Мотоцикл с коляской в то время стоил порядка тысячи рублей. Но когда мы сказали, что мы работники мвд и здесь находимся в командировке, а этого «ижонка» делают у нас в Ижевске на «Ижмаше», на котором мы с Вовкой до ментовки работали (Вовка закончил мамми — Московский автомеханический институт — и работал в отделе главного конструктора, я закончил мвту имени Баумана и работал в отделе главного технолога), дед успокоился, вернее, обрадовался такой встрече. Он быстренько привёл себя в порядок, сходил в туалет, а потом куда-то исчез. Вернулся он через час и с порога радостно сообщил:

— Вот, обегал все магазины Игарки от «Рассвета» до «Даров природы», ничего нет. Хоть шаром покати...

Мы подумали, что он про мотоцикл говорит. А он:

— Вот, пришлюсь в ресторане «Северное сияние» кушать, переплатил, конечно, кому надо. Зашёл в фирменный магазин «Дары природы», а там одна бормотушка. Что мы, будем ей травиться, что ли?

И трясёт двумя бутылками водки.

— Сейчас бабахнем с вами за встречу, посидим, поговорим не спеша. Ребята, Север спешки и суматошности не любит. . .

«Ну ладно, посидим. Мы и так тут уже два дня сидим всухую»,— подумали мы и стали наводить на столе порядок. Дед развязал свой выцветший рюкзак, достал банку мясных консервов, мало-сольных огурцов и пакет с пирожками, которые ему бабка в дорогу напекла. Накрыли стол, получилось даже ничего, почти как в местном ресторане, в котором мы, правда, не были, но ведь водка из него. Первый тост бабахнули за знакомство. Николай Петрович оказался очень общительным мужиком и после первого стакана долго рассказывал нам про природу Таймырского края, про его увлечения охотой и рыбалкой. По-моему, этим делом здесь увлекаются поголовно все, больше-то заняться нечем, в огородах ничего не вызревает, а садов здесь с ледникового периода нет. Его рассказ остановила только реплика Вовки:

— Между первой и второй перерывчик небольшой.

Дед заулыбался, намёк понял и разлил беленькую по стаканам. Чокнулись и бабахнули за красóты Таймыра, о которых у нас было смутное представление: озёра и реки, кишашие рыбой, карликовые берёзки и снег, который выпадает уже в сентябре. Закусили пирожками; я думал, что они с мясом, оказалось с какой-то ягодой. Дед, видя нерешительные действия наших челюстей, с ухмылкой говорит: — Это фирменное блюдо моей бабки—пирожки с морошкой. Очень вкусные и полезные, особенно после водки. Сивушные масла напрочь отбивают.

И начал рассказывать про северные ягоды, об их пользе для организма, про долган.

— Долганы—это малочисленная племенная группа, говорящая на особом диалекте якутского языка, живут в основном в восточной части Таймыра, на территории, расположенной между реками Енисеем, Хатангой. В отличие от других народов Таймыра, долганы хоронят умерших в земле, но на могилу сваливают дерево (на западе) или ставят деревянный сруб, украшенный резьбой (на востоке). На всех могилах устанавливают кресты, однако возле них оставляют принадлежавшую умершему одежду, разрубленные пополам нарты, у оленеводов—ставят шест с головой оленя.

Дед даже хотел, чтобы мы записали пару народных рецептов долган.

Деда надо было опять останавливать, и Вовка предложил третий тост выпить за будущий мотоцикл. Чокнулись, бабахнули, пирожками уже не закусывали, налегли на тушёнку и малосольные огурчики. Огурчики—это нашенский закусон.

Дед осоловел немного, задумался, видимо, что-то вспомнил, а потом спросил:

— А вы, ребята, в Курейке уже были?

Мы его вопрос поняли и ответили:

— Да, мы в курилке уже были час назад, посидели, «Стюардессу» покурили. Дед, ты не переживай, мы в комнате не курим.

— Я спросил не про курилку, а про посёлок Курейка, где Сталин ссылку отбывал,—ответил дед и, видя, что мы про неё никогда не слышали, начал рассказывать:—Он там появился в марте тысяча девятьсот четырнадцатого года вместе с Яковом Свердловым. Дореволюционная Курейка была страшнее казематов и одиночек Шлиссельбурга и Петропавловской крепости. Прибыв в Курейку, Сталин и Свердлов некоторое время квартировал у деда Тарасеева, но разбежались из-за бытовых проблем, Сталин стал улынчивать от домашней работы. . . Ссылка в Туруханской край была тяжёлым наказанием. Но всё же это была не каторга, и многие политические использовали вынужденное безделье для пополнения своих знаний. Потом его поселили в семью Перепрыгиных, к детям-сиротам. Дети жили одни, их было семеро. Им очень нравился новый постоялец, а старшая, Лида, которой было четырнадцать лет, просто в него влюбилась. Сталину было тридцать шесть лет, и он обещал жениться на ней, когда она достигнет совершеннолетия. Местные жители строго блюли чалдонскую мораль: браки с политическими ссыльными сурово осуждались. В царской Руси русское население Сибири разделялось на две категории: чалдонов и самоходов. Чалдоны—это коренное население Сибири или предки казаков с Дона. А самоходы—русские, которые прибыли в Сибирь на лошадях или пешком в девятнадцатом и начале двадцатого века. Иосиф Сталин уехал из Курейки в декабре тысяча девятьсот шестнадцатого года. Пристав выдал Сталину фальшивую справку, после чего Сталин и ещё восемь «призывников» ехали около двух месяцев в разгар сибирской зимы из Монастырского села, которое было в то время центром Туруханского края, до Красноярска две тысячи километров. Поскольку самих жителей Туруханского края в армию вообще не призывали, то ссыльных «призывников» провозжали из села Монастырского торжественно, как истинных патриотов. Для девяти человек был организован целый караван из десяти-двенадцати саней. Каждый ехал в специально оборудованной и утеплённой возке. Сопровождало их два стражника. Из казны всем выдали «сибирские шубы, оленье сапоги. . . такие же рукавицы, шапки оленье». И везде, где ехали, гуляли и пили. Разумеется, в Красноярске из-за физических недостатков и болезней Сталина признали непригодным к военной службе. Сталину до окончания срока

ссылки оставалось ещё несколько месяцев, но он успел просил начальство, чтобы его поселили в городе Ачинске. Он почему-то не захотел возвращаться в Курейку, к женщине, которая имела или ждала от него ребёнка и на которой как будто бы обещал жениться. Выходит, большой любви не было...

— Ничего себе. Выходит, что у Сталина в Курейке были дети, а потом внуки? — спросил я, мне стало интересно.

— Возможный внук Сталина, Юрий, говорил, что его отец, Александр Давыдов, будто бы знал о своём происхождении, но всю жизнь дико боялся репрессий. Сталин дважды пытался забрать его в Москву. Первый раз после окончания Гражданской войны, а второй — в начале тридцатых годов. Первый раз ребёнка не отдала мать, потому что Сталин требовал, чтобы сама она оставалась в Сибири, так как у него была жена — Надежда Аллилуева, и появление неграмотной таёжницы в Москве было нежелательно. Второй раз сын якобы убежал в тайгу, узнав, что его разыскивает НКВД. В тысяча девятьсот семнадцатом году у Лидии Перепрыгиной в Курейке родился сын Александр. Лида, не имея от Сталина вестей, решила, что он потерян для неё навсегда. На её руках был грудной Саша, надо было растить младших братьев и сестёр. Молодой рыбак из соседней деревни полюбил Лиду. Она вышла за него замуж. Давыдов усыновил Сашу. От отчима он взял фамилию и отчество — Давыдов Александр Яковлевич. Александр Яковлевич прошёл всю войну, имел награды. Часто бывал в Игарке у родственников.

— А как музей-то в Курейке появился? — спросил я, мне стало интересно.

Дед улыбнулся, довольный, что возбудил во мне интерес, и начал рассказывать:

— В декабре тысяча девятьсот сорок девятого года с большим размахом отпраздновали семидесятилетие генералиссимуса. Тогда же решено было на средства и силами Норильского горно-металлургического комбината выстроить в Курейке павильон-музей И. В. Сталина. Сохранилась в целости изба, где он жил. Туда, на берег Енисея, к лету тысяча девятьсот пятидесятого года отправили из Норильска бригаду опытных строителей-заключённых с небольшими сроками, около двухсот человек. Новый музей — большое здание серого цвета. Под зданием были проложены траншеи и подземные ходы. Специально были построены котельная для отопления музея и электростанция. Поэтом пантеон и окружающая его территория освещались сотнями различного вида осветительных приборов, что на фоне не имеющей света Курейки действительно вызывало какой-то восторг. Вокруг пантеона было всё заасфальтировано. Это в такой-то глуши. А голубые ели были привезены аж из Москвы. Внутри всё было сделано очень красиво. Огромные окна имели тройные стёкла,

между которыми постоянно циркулировал тёплый воздух, чтобы окна не замерзали в суровые зимы и чтобы постоянно была видна избушка. Было два входа. Когда заходишь внутрь — паркетный пол, он располагался квадратом вокруг стоящей в центре избушки. В избушку входили по скрипучим сеним. Затем проходили тёплые сени, а потом была первая комната — большая, с русской печкой, вторая была пустой — там лежали только дорожки, в ней жили хозяева. Обстановку там не воссоздавали. Сбоку от первой комнаты была комната, где жил Сталин. Она была перегородена, посетителям во вторую часть входить не разрешали, можно было смотреть только из первой. Там стояли кровать, стол, на столе керосиновая лампа, рядом очень старый стул, типа кресла. На стенах висели капканы деревянные, снасти, которыми он рыбачил. А рядом с сеними в комнате располагалась библиотека, но не все книги там находились, а книги, связанные со старинными уральскими сказаниями, с Сибирью. При входе в библиотеку стоял под стеклянным колпаком макет домика, в строительстве которого принимал участие Сталин. Справа стоял ещё один стол и мягкие кресла. Музей был открыт весь день, и в библиотеке разрешалось брать книги. В ту пору книги в красивых переплётах были редкостью, и разрешали смотреть их только там. В музее принимали в пионеры, в октябрята, там проходили торжественные собрания, если они были посвящены Сталину, октябрьским датам, — то есть самые торжественные мероприятия. Потолок был сделан как чаша или свод, а по краям обрамлён как бы лавровым венком, переплетённым лентой. За лентой были спрятаны лампы дневного света, разноцветные и поочерёдно мигающие, которые, освещая этот голубой свод, создавали впечатление северного сияния. Музей был самым красивым зданием Курейки, сюда любили приходить и днём, и вечером. Здание построено было так, что стенами являлись огромные окна, и потому для стендов оставались только углы. Абсолютно все парходы останавливались на два часа в обязательном порядке, и все пассажиры, ехавшие в Дудинку или в Красноярск, посещали музей и знакомились с жизнью Сталина. В тысяча девятьсот пятьдесят шестом году, на двадцатом съезде КПСС, начали говорить о культуре личности Сталина, но музей не был закрыт и продолжал принимать посетителей. По-прежнему останавливались парходы, возлагались цветы к памятнику, разбивались цветочные клумбы, сторожа и директор были, как и прежде, библиотека пополнялась редкими изданиями. С пятьдесят шестого по шестьдесят первый год всё постепенно стало сходить на нет. И в декабре тысяча девятьсот шестьдесят первого года было принято решение о ликвидации музея Сталина. В самом пантеоне разобрали избушку

и сожгли её, а скульптуру долго стаскивали тро-
сками. Часа два-три возились два трактора, ко-
как стянули скульптуру, волоком потащили на
Енисей и туда её столкнули в прорубь. Экспонаты
после закрытия музея перевезли в школу, и они
там находились в школьном музее, но она сгорела,
и всё, что осталось от стендов пантеона,—тоже.
Но некоторые экспонаты были отправлены в му-
зей города Ачинска и до сих пор там находятся.
Так за одну ночь решилась судьба музея. Очень
часто пишут неправильно, что статуя Сталина
была сделана из мрамора. На самом деле она была
из гипса, так как, когда её стянули, она упала и
развалилась. На фотографиях можно увидеть на
стене над входом в музей барельеф Сталину—
вот он чисто бронзовый. Здание без избушки стояло
очень долго, вместо неё был котлован. Внутри
было ощущение страшного разорения: побиты
стёкла, всё развалено. Пять лет назад неизвестно
кто поджёг музей, и всё сгорело. С тысяча девять-
сот восемьдесят девятого года в Курейку снова
стали приезжать туристы, но на стенах уже стали
писать «тиран», «убийца», «враг народа».

Поиски трёхколёсного «Юпитера»

Слушать его было интересно, было видно, что
историю своего края он знает на «отлично». После
пятой «бабаховки» дед уже ничего не рассказывал,
а только сидел и клевал носом морошку из пирож-
ка. Мы положили его спать на кровать. Утром он
был как огурчик, но только малосольный. Выпили
чаю; могли и пива, но где его взять в этой тундре?
Потом пошли искать Петровичу трёхколёсного
коня—мотоцикл с коляской. Обошли все спорт-
культуртовары, хозтовары и ещё какие-то товары,
но везде нам объясняли, что с материка их ещё не
завезли. С какого материка, мы с Вовкой понять
не могли, потом нам объяснили, что материк—это
Красноярск, или, как ещё его называют, Большая
земля. А мы, значит, сейчас на Малой земле. А дед
даже не расстроился, что мотоцикл не купил. Он
даже был весел непонятно почему. Может, потому,
что макмыр у него прошёл незаметно, или что
вырвался от бабки на Большую землю, это так у
них в Хатанге Игарку зовут.

После обеда дед опять куда-то исчез. Вернулся
в гостиницу через час, держа в руках авоську с
закуской и две бутылки беленькой. Где он их взял,
было понятно уже без слов. Сидим, бабахаем. Я его
и спрашиваю:

— Петрович, ну скажи, зачем тебе нужен этот
мотоцикл?

— Ребята, там, где я живу, дорог почти нет, посажу
бабку в люльку, если, конечно, залезет, и махну за
грибами или ягодами...

Махнули по стакану, закусили дарами природы
из магазина. Так продолжалось три дня. Смотрим,
Петрович начал сдавать, настроение уже не то, нет

прежней весёлости. Спрашиваем его, что случи-
лось, не заболел ли... Он и говорит:

— Смысла мне уже нет мотоцикл здесь ждать,
денег осталось только на одну коляску, да и по
бабке соскучился.

Ладно, делать нечего, дед прав. Позвонили мест-
ным ментам и отвезли Петровича на «воронке» с
мигалкой и другими почестями в аэропорт, где и
отправили его рейсом Игарка—Хатанга домой.

Допрос с пристрастием

Мы с Вовкой сидели в гостинице, меня от безделья
что-то на поэзию пробило, и из местной газеты
«Игарские новости» я вслух читал:

Ночи длинные здесь и рубли,
Их получают за то, что пейзаж убог.
На полгода здесь свет вырубил
С перепою, наверное, скряга-Бог.
И берёзы не в рост—здесь не ую,
И природы удел—молчание.
А домашний уют? Весь уют—
Над тобой в небесах сияние...

Обсудить прочитанные стихи не успели, а хотели.
И тут нам в гостиницу позвонили пограницы и
сообщили, что прибыл лесовоз «Литва» и встал на
рейде под погрузку. Рейд находился в нейтральных
водах, достаточно далеко от берега, и без помощи
пограничников мы не имели права вступить на
его палубу, иначе—нарушение границы, а ещё
хуже—мы диверсанты. Вовка прихватил с собой
зачем-то бутылку водки, и мы пошли на берег
Енисея, где нас ждал уже пограничный катер.
Был вечер, часов восемь, но было светло. Белые
ночи, они и в Игарке—белые. Катер прыгал по
волнам, как по стиральной доске, задрав кверху
нос. Я крепко держался за борт катера, чтобы не
упасть за него. Ветер раздувал мои волосы, как
«сивые паруса», а брызги от волн колошматили
меня по лицу. Эта гонка с ветром продолжалась
недолго, минут десять, и вскоре мы пришварто-
вались к борту большого лесовоза.

Нам бросили верёвочный трап, и мы полезли
на палубу. Да, тут надо, оказывается, иметь силу
и сноровку. Капитан лесовоза был предупреждён
заранее о нашем визите и принял нас радушно.
Это был средних лет мужчина, приятной наруж-
ности. Он нас сразу приятно удивил, пригласив
для начала поужинать. Отвёл нас на камбуз, где
кок обслужил нас, как дорогих гостей. Мы сначала
с Вовкой стеснялись, но, видя, что капитан свой,
простецкий мужик, налегли на еду. Капитан ничего
не ел, а только рассказывал нам о своём судне, куда
плавал в последнее время. Камбуз был большим
и чистым, отделан ценными породами дерева.
Чувствовалось, что здесь во всём порядок. В конце
ужина капитан выпил с нами кофейку и поинте-
ресовался о цели нашего приезда. Мы вкратце ему

рассказали, что страшного ничего нет, нам просто надо допросить радиста в качестве свидетеля по вопросу, не связанным с сухогрузом. Пограницы тоже доложили капитану, что шмон судна закончили, запрещённых предметов не обнаружили и посему удалились восвояси. А капитан отвёл нас в рубку радиста, где в наушниках сидел кучерявый мужик и крутил ручки каких-то приборов.

— Вот, радист Николай, он в вашем полном распоряжении. Когда закончите, сообщите,— сказал капитан и удалился по своим делам.

Эта рубка, видимо, служила радисту и каютой, так как здесь стояла металлическая кровать, которая крепилась к полу. Володя вызвался допрашивать радиста сам, а мне отвёл роль, о которой я и не догадывался. Он достал бутылку водки и два стакана—радисту и мне. Разлил её по стаканам, и я чокнулся с радистом. Николай опешил, сделал удивлённые глаза, но выпил. Я понял: моя роль—пить с радистом и вывести его на откровенный разговор, развязав ему таким образом язык. Сейчас мы проверим старую мудрую поговорку: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. После третьего стакана язык почему-то развязался у меня, я порол всякую чушь, мешая только допросу.

И тут я вдруг запел:

Как провозжают пароходы? Совсем не так, как поезда. Морские медленные воды—не то что рельсы в два ряда. Как ни суди, волнений больше—ведь ты уже не на земле. Как ни ряди, разлука дольше, когда плывёшь на корабле...

Ещё зачем-то посмотрел в иллюминатор, а Вовка с радистом—на меня.

Вода, вода, кругом вода. Вода, вода, шумит вода...

Вовка не выдержал моих песнопений и отправил меня спать на койку радиста. Я проснулся только утром, когда Вовка меня разбудил и сказал, что допрос закончен. Протерев глаза, я глянул на часы, было пять минут девятого. «Ничего себе допрос устроили»,—подумал я. Он длился половину суток, да ещё и с нарушением упк. Вид у обоих был измученный, как будто они всю ночь вручную загружали сухогруз лесом. В принципе, я и не видел, чем они там занимались всю ночь, но бутылка из-под водки была пустой. Минут через десять в рубку заглянул капитан и, узнав, что мы закончили свои дела, отвёл нас в умывальник, а потом на тот же камбуз. Яичница с ветчиной и крепкий кофе вернули нас к нормальной жизни. Напоследок капитан подарил на память каждому из нас по вымпелу и значку с изображением его судна и по записной книжке с ручкой. В катере, который нас вёз к берегу, пограницы спросили:— Ну, как у вас дела?

Я молчал, не зная, что сказать.

— Клиент раскололся,—глядя на берег, коротко сказал Вовка и добавил:—Мавр своё дело сделал...

«Ну, слава Богу, не зря я там спал на границе»,—подумал я и крепче вцепился в борт, чтобы не упасть за него.

Был конец августа. На следующий день вечером мы вылетели в Красноярск, а в Игарке перед вылетом самолёта выпал снег и температура резко упала. Я испугался, что так рано началась зима. Через четыре часа мы были в Красноярске, там было лето, оно и подняло нам настроение. А мне понравилась Игарка, и я бы вернулся туда, но это уже невозможно. Два раза в одну реку—Енисей—не войдёшь.